

С.В.ДУБОВСКИЙ

Глобальная пирамида как результат исторического развития, характеристик социума и состояния среды*

Процессы глобализации, понимаемые как процессы формирования структуры мировой системы и управления в ней, довольно часто обсуждаются в научной и массовой печати. Для таких обсуждений характерны три типичные ошибки. Первая - ошибка "забывчивости" - заключается в том, что игнорируются результаты проектов, инициированных Римским клубом, хотя проблематика процессов глобализации есть прямое продолжение проблематики глобального моделирования [Дубовский, 1998]. Вторая - ошибка "одномоментного" взгляда на мировую систему и ее структуру как на нечто статичное, существующее вне динамики и исторической эволюции. Третья - ошибка "одномерного подхода" - возникает, когда место страны в глобальной структуре пытаются определить, исходя из рассмотрения только одного показателя, например условий климата, вне связи с другими факторами развития и элементами мировой системы [Паршев, 2000]. В настоящей статье возникновение глобальной структуры описывается с точки зрения современных концепций исторической эволюции. Этот подход, как представляется автору, свободен от вышеуказанных ошибок и совмещает результаты глобального моделирования, концепции и факты исторической эволюции, а также результаты современных теорий технологического, экономического и демографического роста.

Глобальные процессы и процессы глобализации

В глобальном моделировании исследуются глобальные процессы, т.е. моделируется и прогнозируется развитие всей мировой системы. Анализируются экономический, демографический и технологический рост, его пределы, перенаселение, нехватка продовольствия, истощение природных ресурсов, загрязнение и деградация среды обитания, дифференциация стран по уровню жизни и потреблению природных ресурсов, противостояние военно-политических блоков и безопасность. Основным выводом, делаемый на основе результатов глобального моделирования и принимаемый большинством исследователей, можно сформулировать следующим образом. *Нельзя оставаться на траектории инерционного развития, которая ведет к коллапсу мировой системы. Нужен международный механизм принятия и реализации решений по глобальным проблемам. Такой механизм призван обеспечить устойчивое и безопасное развитие мировой системы и ее отдельных элементов* [Дубовский, 1998].

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 00-06-80367).

Под влиянием этого теоретического вывода, или независимо от него наряду с глобальными процессами, в мире идут процессы глобализации, т.е. процессы самоорганизации мировой системы в некую устойчивую структуру из множества прежде атомизированных частиц - государств. Эти процессы идут в условиях острейшей конкуренции и их сегодня можно представить в виде четырех основных составляющих.

Первый процесс - интеграция национальных экономик в мировую экономику, структуру которой можно представить в виде своего рода глобальной пирамиды. Наверху расположены технологические и экономические лидеры, в тело пирамиды входят середняки, внизу находятся аутсайдеры. "Золотой миллиард" населения лидеров противостоит остальным 5 миллиардам. Чтобы такая пирамида устойчиво существовала и развивалась, в ней необходим постоянный обмен товарами через мировой рынок. Страны-лидеры поставляют на этот рынок высокотехнологичные продукты и продукцию "чистых" производств. Средняки и аутсайдеры поставляют природные ресурсы и продукцию "грязных" производств. Из бедных стран мигрируют люди, закрывающие бреши на рынках труда в богатых странах. Хотя такой обмен товарами и людьми с точки зрения текущих интересов необходим и выгоден обеим сторонам, сами условия обмена часто служат почвой для конфликтов. Поэтому установление правил обмена и регулирование спорных вопросов частично уже выведены из-под юрисдикции национальных правительств и переданы в ведение таких международных организаций, как, например, ВТО, МВФ, ВБ и т.д.

Второй процесс - интеграция локальных сред обитания в мировую среду, что предполагает возникновение локальной политической и экономической ответственности за состояние мировой среды и развитие механизмов установления такой ответственности. Последнее часто служит почвой для конфликтов, урегулирование которых также возлагается на международные организации, например такие, как МАГАТЭ.

Третий процесс - политическая интеграция стран в локальные блоки и мировое сообщество. Это также предполагает передачу части государственных суверенитетов, распорядительных функций и ответственности в такие политические и военные организации, как, например, ООН, НАТО, "восьмерка" и т.п.

Четвертый процесс - интеграция информационных национальных пространств в единое мировое пространство, где унифицируются потоки информации, их идеологическое наполнение, отбор и интерпретация сообщаемых фактов. Здесь тон задают международные информационные агентства из развитых стран и Интернет.

Таким образом, сегодня существует не только определенная глобальная структура (пирамида), но и механизм управления этой структурой, который задает правила конкуренции, оценивает текущее состояние, ставит новые цели, направляет развитие пирамиды, поддерживает устойчивость желательных с его точки зрения процессов. Как показывает опыт последних лет, этот Механизм Глобального Управления - МГУ - монотонно растет, захватывая все расширяющийся круг функций управления и все чаще прибегая к силовым акциям для решения спорных вопросов (Югославия - 1999 г., Афганистан - 2001 г.).

Естественно, что реально существующий МГУ сильно отличается от механизма, к созданию которого призывали разработчики глобальных проектов. Во-первых, интересы разноэтажных участников глобальной пирамиды часто противоположны и трудно поддаются согласованию; пример - мировые цены на нефть или проблема строительства и эксплуатации атомных электростанций. Во-вторых, технологические и экономические лидеры доминируют в МГУ над всеми остальными; например, "восьмерка" часто решает вопросы, касающиеся иных стран, даже без их участия. В-третьих, МГУ часто проводит политику, ведущую к катастрофам; в частности, следование рекомендациям МВФ привело к серии финансовых катастроф в развивающихся странах от Аргентины до Индонезии.

Список недостатков МГУ можно продолжить, он настолько велик, что вызвал разделение мирового сообщества на "глобалистов", поддерживающих современную политику МГУ, и "антиглобалистов", выступающих против этой политики. Оба названия

не очень удачны, поскольку линия водораздела между противниками лежит не в области объективных процессов интеграции, которые отменить никто не в состоянии, а в области методов и политики МГУ, которые по представлениям одних разумны,¹ а по мнению других ведут к негативным последствиям для большинства населения планеты. При этом необходимо учитывать, что современная глобальная верхушка не несет ответственности за то, как сложилась сегодняшняя структура глобальной пирамиды. Ведь каждая страна занимала свое место под совместным влиянием локальных условий среды обитания, внутренних процессов и внешних воздействий.

Прогноз дальнейшей эволюции мировой системы невозможен без понимания индивидуального пути каждой страны к ее сегодняшнему месту и анализа возможностей ее дальнейшего развития внутри или вовне глобальной пирамиды. Пример попытки такого анализа для России представлен в книге А. Паршева [Паршев, 2000], где основная вина за низкий экономический уровень российской жизни возлагается на суровый климат страны.

Проверка климатической гипотезы

Основные выводы Паршева относительно экономических возможностей России можно кратко пересказать следующим образом. Из-за слишком сурового климата на производство и проживание в России требуется расход энергоносителей, превосходящий нормы для большинства других мест планеты, поэтому российская продукция слишком дорога. Такая дорогая продукция неконкурентоспособна на мировом рынке. Российская промышленность оказывается невыгодным объектом для вложения зарубежных инвестиций. Поэтому российская экономика должна быть закрыта от конкуренции с мировой экономикой при помощи госмонополии на внешнюю торговлю, отмены свободной конвертации рубля и прекращения вывоза капитала. Предпочтительный путь развития - не встраивание в мировую экономику, а самодостаточность и самоизоляция. Из-за сурового климата Россия никогда и ни при каких условиях не сможет даже приблизиться к США по экономическому уровню развития.

Эти утверждения нужно разделить на две части. Проблематика государственного регулирования внешней торговли, условий конвертации внутренней валюты и вывоза капитала широко представлена в экономических исследованиях и активно обсуждается в России с начала либеральных реформ, т.е. с 1992 года. Общеизвестно, что один из секретов успеха реформ в Китае заключается в жестком контроле государства за всеми этими тремя процессами. Во многих российских публикациях показана губительность мгновенного открытия экономических границ и бегства капитала для российской экономики [Дубовский, 1998; 1999; 2000; Путь... 1999]. В этих вопросах Паршев следует хотя и не признанной либералами, но широко известной концепции о необходимости государственного регулирования экономики, отчего данная часть его утверждений воспринимается как повторение и полезная популяризация известных теоретических и практических результатов.

Возражения вызывает другая часть утверждений, в которых положение в глобальной экономической пирамиде и низкий уровень жизни объясняются только и исключительно суровым климатом, постулируется фатальная обреченность России на вечную экономическую отсталость, необходимость государственного регулирования связывается с суровым климатом, как будто это регулирование не нужно и не используется в странах с мягким климатом. Заметим, что подобные взгляды с восторгом поддерживают многие российские политики как левого, так и правого толка, поскольку позволяет все экономические неудачи объяснять "плохим" климатом.

Истинность или ложность этой части суждений Паршева можно установить с помощью фактической статистики для стран, развивающихся в самых разных климатических условиях. В таблице 1 приведены температурные, энергетические и экономические данные для 15 городов из 14 стран в северном полушарии. Города расположены в таблице в порядке убывания средней январской температуры. Данные

Средние температуры в градусах Цельсия, летнее и зимнее энергопотребление, душевой ВВП

Город	Температура января (°C)	Температура июля (°C)	Разность июльской и январской температур (°C)	Отношение январского энергопотребления к июльскому	Отношение годового энергопотребления к годовому энергопотреблению без тепла	ВВП на душу населения в % от душевого ВВП США, 1993 год
Лиссабон	10	20	10	1,45	1,11	48,6
Афины	9	27	18	1,5	1,13	44,4
Рим	6,8	25,8	19	1,62	1,16	72,1
Лондон	5,3	18,9	13,6	1,71	1,18	69,7
Мадрид	4,9	24,2	19,3	1,73	1,18	54,8
Париж	3,4	18,8	15,4	1,81	1,2	77,5
Токио	3,1	25,6	22,5	1,83	1,21	83,5
Берлин	-0,3	18	18,3	2,02	1,26	76,2
Нью-Йорк	-1	23	24	2,06	1,27	100
Стокгольм	-3	18	21	2,17	1,29	69,3
Осло	-5	16	21	2,28	1,32	78,5
Хельсинки	-9,7	16,8	26,5	2,54	1,39	63,9
Москва	-10,2	18,1	28,3	2,57	1,39	20,4
Оттава	-11	20,3	31,3	2,61	1,4	79,9
Новосибирск	-17	19	36	2,94	1,49	20,4

о температурах приведены из Большой советской энциклопедии. Оценки энергопотребления сделаны с помощью формул (1) и (2), впервые опубликованных автором в [Влияние... 2001]. В последнем столбце приведены данные о ВВП на душу населения из [Россия... 1996], рассчитанные с помощью паритетов покупательной способности. Для оценки влияния климата на рост энергопотребления использовались следующие формулы:

$$\frac{E_{\text{январь}}}{E_{\text{июль}}} = 1 + \alpha \frac{18 - T_{\text{январь}}}{18}, \quad (1)$$

где $E_{\text{январь}}$ - январское энергопотребление с учетом отопления, $E_{\text{июль}}$ - июльское энергопотребление без отопления, $T_{\text{январь}}$ - январская температура в градусах Цельсия, α - коэффициент эластичности энергопотребления по температуре, близкий к единице.

$$\frac{E_{\text{год}}^1}{E_{\text{год}}^2} = 1 + 0,5\theta \frac{18 - T_{\text{январь}}}{18}, \quad (2)$$

где $E_{\text{год}}^1$ - годовое энергопотребление с учетом отопления, $E_{\text{год}}^2$ - годовое

энергопотребление за вычетом расходов на отопление, θ - длительность

отопительного сезона в долях года, близкая к значению 0,5.

В [Влияние... 2001] было показано, что оценки, полученные с помощью (1) и (2), близки к оценкам энергопотребления, полученным с помощью других методов, в частности методов прямого счета и использования внешнеторговой статистики.

На основании данных, приведенных в таблице, можно сделать следующие выводы. Афины, Рим, Мадрид, Токио и Нью-Йорк - летом жаркие города, в остальных го-

родах июльская температура близка к самой комфортной (18°C). Минимальны перепады между летней и зимней температурой в Лиссабоне, Лондоне и Париже. Москва по температурам близка к Оттаве и Хельсинки, а Новосибирск - очень суровое место. Энергозатраты на отопление повышают январское энергопотребление по сравнению с июльским от 45% в Лиссабоне до 194% в Новосибирске. Отопительный сезон повышает интегральные годовые энергозатраты от 11% в Лиссабоне до 49% в Новосибирске. Таким образом, рассмотренные страны в самом деле сильно различаются по энергопотреблению из-за климатических различий.

В то же время, если рассмотреть данные по ВВП на душу населения только для стран с рыночной экономикой, оказывается, что южные страны-аутсайдеры (Португалия, Испания и Греция) уступают северным странам (Канаде, Норвегии, Швеции и Финляндии) в 1,5-2 раза, несмотря на более высокие энергозатраты последних. Это означает, что страны с более холодным климатом и высоким энергопотреблением могут обгонять по уровню экономического развития страны с более теплым климатом и низким энергопотреблением. Если же рассмотреть группу северных стран с близкими климатическими энергозатратами (Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия, Канада), то здесь экономическим аутсайдером является Россия, уступающая другим по душевому ВВП в 3—4 раза. Таким образом, несмотря на близость климатических факторов и энергопотребления, северные страны с рыночной экономикой многократно обгоняют Россию по уровню жизни.

Суммируя приведенную информацию, можно утверждать, что сложившаяся к началу XXI века экономическая дифференциация стран северного полушария не связана с климатическим фактором как первостепенным. Поэтому гипотезу Паршева о "плохом" климате как основной причине низкого уровня жизни в России нельзя считать правомерной. Она противоречит фактическим данным. Заметим также, что этот вывод не зависит от точности оценки влияния климата на энергозатраты.

Двухуровневая классификация стран

Дифференциация стран по уровню жизни частично объясняется современной теорией экономического роста. Выработка ВВП на душу населения в современных моделях обычно связывается с размером производственных фондов на душу населения, технологическим уровнем этих фондов, уровнем обеспеченности природными ресурсами, а также с образовательным уровнем и производственными навыками самого населения. Однако на динамику экономических показателей влияют и так называемые институциональные факторы, и локальные особенности среды, которые с трудом поддаются формальному учету в моделях роста.

К институциональным факторам относятся: механизм обновления власти, качество политической и экономической элит, соотношение плановых и рыночных механизмов, восприимчивость экономики к новшествам, скорость адаптации к всевозможным изменениям, надежность банковской системы, механизм конкуренции, степень открытости внешнему миру, соотношение внутреннего и внешнего рынков сбыта, распределение доходов. Все эти и другие факторы отражают качество социума, т.е. качество его политических, социальных и хозяйственных технологий. Чем выше качество социума и трех перечисленных видов технологий, тем в конечном счете выше темпы экономического роста в расчете на душу населения за длительный период времени.

К локальным особенностям относятся внешние для социума факторы - обеспеченность природными ресурсами, климат, состояние среды обитания, размеры внешних угроз и оборонные расходы, конъюнктура на внешнем рынке сбыта, возможности внешней торговли и импорта технологий. Эти факторы также влияют на развитие и иногда являются решающими (например, для экспортеров нефти), но в большинстве случаев имеют меньшее значение, чем качество социума. Потому что при высоком качестве социума страна в состоянии решить большинство возникающих проблем

ВВП на душу населения различных стран в % от душевого ВВП США (1993 год)

Постбританское пространство (только развитые страны)		Постпиренейское пространство (только экономические лидеры)		Построссийское пространство (только европейские страны)	
США	100	Испания	54,8	Россия	20,4
Канада	79,9	Португалия	48,6	Белоруссия	20,4
Австралия	71,4	Чили	34,0	Польша	19,2
Великобритания	69,7	Аргентина	33,3	Эстония	15,6
Новая Зеландия	63,6	Венесуэла	30,9	Литва	15,1
Ирландия	57,0	Мексика	28,0	Украина	13,6
		Уругвай	25,8	Латвия	12,6
		Бразилия	21,7	Молдавия	9,1

за счет социального и научно-технического прогресса, а при низком - ей не справиться с возникающими проблемами даже при благоприятных локальных условиях.

Оценить относительное значение качества социума и локальных условий для развития можно по данным таблицы 2, где представлены три фрагмента глобальной пирамиды - три группы стран, сформированные по принципу общего или родственного социума. Первая группа образовалась в результате развития и экспорта технологий британского социума, вторая развилась из испано-португальского социума, третья - из российского социума. Страны сильно различаются не только по качеству социума, но и по локальным условиям; внутри каждой группы имеется примерно двукратный разрыв между минимальным и максимальным уровнями экономического развития по состоянию на 1993 год. В то же время очевидны общие экономические различия между всеми тремя группами стран. Данные о ВВП взяты из [Россия... 1996]. Интересно, что в 1993 году страны автоматически выстроились по уровню экономического развития в монотонную убывающую последовательность, хотя условие монотонного убывания для отнесения к той или иной группе не обязательно. Лидеры в своей группе могут превосходить аутсайдеров из предыдущей группы (здесь не обсуждаются вопросы введения метрики между группами и внутри групп).

В соответствии с принятой классификацией экономические различия между группами стран объясняются различиями в качестве социумов, а различия внутри групп - различиями в локальных условиях. В связи с такой формулировкой возникают по крайней мере два вопроса.

Первый - почему различны по качеству сами социумы? Ведь они имеют общее европейское происхождение и родственные варианты христианской религии; сами народы близки по исходным антропологическим характеристикам. Второй - как такая двухуровневая классификация стран укладывается в общие концепции исторического развития, наработанные к началу XXI века?

Первым русским историком, который в XIX веке глубоко анализировал особенности формирования российского социума, был С. Соловьев (Соловьев, 1989). Он прежде всего отмечал общее между судьбой Пиренейского полуострова и России, которые много веков находились в условиях постоянного давления со стороны кочевых племен и даже жили под властью кочевников и полукочевников (Пиренеи в VIII—XIII веках; Россия в XIII—XV веках). Одновременно он указывал на громадную разницу в уровне развития арабских племен, подчинивших Пиренеи, и племен, подчинивших Русь. И только затем российские характеристики "выводились" Соловьевым из условий среды обитания, отличных как от условий Пиренейского полуострова, так и от условий Британии. Таким образом, прообраз двухуровневой классификации и гипотеза о причинах различий в качестве социумов просматриваются еще у Соловьева.

Что касается общих концепций развития, то к концу XX века было разработано несколько десятков "общих концепций основ общества и движущих сил истории", которые подробно изложены в блестящей энциклопедической монографии Ю. Семенова [Семенов, 1999]. В рамках концепции социально-духовного фактора как ведущей силы развития, а также социально-биологических концепций и разработок К. Юнга о коллективном бессознательном, можно сделать следующее умозаключение. *Многовековое владычество иноверцев-кочевников над оседлыми христианами в самом начале формирования российского, испанского и португальского обществ задержало развитие и нанесло психике народов "родовую травму", под влиянием которой формировались и развивались российский и испано-португальский социумы.* Различия между тремя социумами, представленными в таблице 2, объясняются тем, что два из них подверглись мощному внешнему отрицательному воздействию, а третий счастливо этого избежал. Те, кто захочет переписать историю в рамках "политкорректности", могут вместо терминов "родовая травма" и "отрицательное воздействие" использовать нейтральный термин "иной опыт существования".

Задержка в развитии пиренейского и российского социумов по сравнению с британским хорошо иллюстрируется запаздываниями по отношению к британским датам в прохождении таких общих ключевых точек развития, как закрепощение крестьян, первый университет, отмена крепостного права, первая буржуазная революция, казнь монарха, всеобщее народное образование, парламент на основе всеобщего избирательного права, создание многопартийной системы, бесплатное высшее образование. Конечно, с ростом мирового обмена информацией и скорости диффузии социальных технологий эти запаздывания сокращаются, но разрыв в качестве социумов пока остается.

Двухуровневая классификация стран позволяет вписаться в концепцию многофакторного подхода к развитию, в рамках которого, например, очень просто объясняется лидерство США в своей группе. США не только наследовали черты британского социума, но к тому же имели эксклюзивные локальные условия, такие как высокая ресурсная обеспеченность, теплый климат, отсутствие внешних угроз, высокий энергетический и интеллектуальный потенциал иммигрантов. В общем случае можно говорить об иерархической классификации стран, входящих в глобальную пирамиду. На первом уровне страны объединяются в группы по *типу социума*, затем на следующих уровнях они группируются или дифференцируются по локальным условиям. Тип социума имеет доминирующее значение, *локальные условия* влияют лишь на положение в своей группе, хотя могут быть исключения из этого правила для стран, очень богатых природными ресурсами.

Инварианты российского социума

Многовековое сосуществование с агрессивными кочевниками привело к устойчивому сдвигу в российской системе ценностей, где критерии личной и национальной безопасности стали доминировать над критериями благосостояния. Отсюда следует повышенная лояльность населения к верховной власти как объединителю, организатору обороны от внешней агрессии, защитнику и спасителю. Возник такой высокий уровень повиновения властям, который внешнему взгляду иногда кажется рабской покорностью. Однако эта внешняя покорность сопровождается подспудным накоплением недовольства и социальной агрессии, которые находят выход в моменты социальных катаклизмов. За последние 400 лет в России имели место 9 катаклизмов (в среднем - раз в 48 лет): И. Болотников, 1606; С. Разин, 1669-1670; К. Булавин, 1707-1708; Е. Пугачев. 1773-1774; декабристы, 1825; отмена крепостного права, 1861; революция 1905-1907 годов; две революции и гражданская война, 1917-1921; распад СССР и октябрьский переворот, 1991-1993. В [Дубовский, 1999] приведены результаты математического моделирования этих катаклизмов.

Поскольку советская номенклатура унаследовала принцип пожизненной власти от царского времени и право заполнения политических вакансий оставила исключи-

тельно за собой, можно говорить о неизменности отношений между властью и народом в царские и советские времена. Население было практически исключено из механизма обновления политической элиты и выбора стратегий развития. Всегда отсутствовала обратная связь от качества и результатов управления к составу правящей элиты. Последняя не несла ответственности перед народом за свои ошибки и прегрешения.

Поэтому правящая элита стала стабильно безразличной к качеству жизни населения, практически никогда не ставила задачи организации системы социального партнерства, считала нормой социальную конфронтацию, широко использовала методы внеэкономического принуждения к труду, старалась не допустить экономической независимости населения от власти. Например, даже через 100 лет после отмены крепостного права российские крестьяне имели карликовые земельные наделы и были ограничены в праве на миграцию. Отсутствие системы социального партнерства, экономическая зависимость от власти, использование методов внеэкономического принуждения к труду - все это вело к двум основным последствиям.

С одной стороны, при наличии силовых методов элита была слабо заинтересована в социальном партнерстве, развитии рыночных механизмов, обновлении технологий и средств производства. Поскольку из-за социальных перегородок не использовался весь энергетический и генетический интеллектуальный потенциал общества, а правящая элита рекрутировалась из узкого круга лиц по правилам бюрократической конкуренции, ее интеллектуальные и нравственные качества были стабильно низкими.

С другой стороны, население было слабо заинтересовано в совершенствовании трудовых навыков, орудий труда, повышении качества продукции, поскольку результаты труда неизменно отчуждались элитой силовым образом, а не на условиях социального партнерства. Пренебрежение к подневольному труду для многих было возможностью продемонстрировать свою оппозицию режиму. В такой ситуации развитие социума, т.е. его политических, социальных и хозяйственных технологий не может быть стабильным, а социально-политическое развитие - устойчивым. Поэтому Россию регулярно потрясали социальные катаклизмы.

Существующее при всех режимах глубокое социальное расслоение на элиту и рядовых стало инвариантом. Это расслоение дает повод повторить известное высказывание о существовании в рамках одного этноса двух разных наций. Крестьяне и дворяне, рядовые граждане и номенклатура, "быдло" и "новые русские" неизменно существуют в разных материальных мирах, говорят на разных языках, воспроизводят себя в разных культурах.

Существование с агрессивными кочевниками принесло совершенно неожиданные результаты в сфере межнациональных отношений. Поскольку чужак был, как правило, агрессором, возникла и существует устойчивая подозрительность к чужакам как потенциальным агрессорам, особенно когда их много и ведут они себя по-хозяйски. Эта подозрительность не раз подкреплялась многочисленными агрессиями с Востока, Юга и Запада. Вместе с тем, в пике чужой агрессии выработалось благожелательное, истинно христианское отношение к представителям других национальностей. Это отношение свободно от противопоставления людей по признаку этнической принадлежности и от националистических идей превосходства одной нации над другой. Благодаря такой толерантности, в то время, когда расширение британского социума сопровождалось уничтожением и изоляцией аборигенов, российский и пиренейский социумы включали аборигенов в себя как равноправных граждан. Смешанные браки были и остаются до сих пор рядовым явлением.

Однако именно эта генетическая толерантность к "инородцам" делает российский социум чрезвычайно уязвимым в эпоху глобальной этнической конкуренции, когда многие малые народы в силу всевозможных комплексов неполноценности оказываются зараженными идеями национализма. Благодаря генетической толерантности русских людей "инородцы" чувствуют себя вполне комфортно в русской среде и, наоборот, русские ощущают себя дискомфортно в националистических средах малых

народов. Из-за этой асимметрии межнациональных отношений возникают асимметричные иммиграционные потоки, которые в свою очередь создают новые проблемы в национальных отношениях. К проблеме национальной асимметрии часто добавляется проблема разнотемпного демографического роста, когда в условиях глобальных ограничений различные этнические группы с несовпадающими парадигмами растут с разной скоростью, в результате чего происходит вытеснение одной группы другой.

Инварианты российской экономики

Российская экономическая статистика отмечает один очень важный факт, который подтверждается документально с XVIII века, - неизменную положительность внешне-торгового сальдо. Ф. Бродель приводит статистику российского экспорта и внешне-торгового сальдо с 1742 по 1785 год вместе с памятной запиской о внешней торговле [Бродель, 1992, с. 476]. Оказывается, что положительное сальдо в некоторые годы достигало 50%. Сегодня такой показатель назвали бы вывозом капитала. Экспорт был сельскохозяйственным и сырьевым, импорт удовлетворял потребности элиты в предметах роскоши. Таким образом, внешняя торговля XVIII века была ориентирована на удовлетворение потребностей элиты. В памятной записке 1765 года эта торговля характеризуется как "причина разорения земледельцев, заводов и мануфактур Империи". Независимо от этой записки через 228 лет в апреле 1993 года в "Российской газете" была напечатана практически аналогичная заметка - "Внешняя торговля как механизм всеобщего обнищания".

Интенсивный вывоз капитала продолжался не только в XIX веке, но и в советское время, лишь направления вывоза изменились. Вывоз капитала шел, во-первых, в национальные республики (в последнем статистическом сборнике Госкомстата СССР называется цифра, эквивалентная 50 млрд долл. в год), во-вторых, в страны так называемого социалистического лагеря. Хотя причины вывоза капитала в советское время были идеологическими и отличались от мотивов царского времени, но действовали они столь же губительно, тормозя экономическое развитие.

Вывоз капитала усилился с 1992 года как продолжение следующих процессов [Дубовский, 1995; 2000]. Перераспределение доходов от государства и массового потребителя к экономической элите привело к резкому изменению структуры платежеспособного спроса на внутреннем российском рынке. Одновременно была потеряна часть рынка сбыта в странах - бывших членах СЭВ и бывших республиках СССР. В открытой экономике неконкурентоспособные при сложившемся обменном курсе рубля российские товары были вытеснены импортными.

Приватизация доходов и сжатие внутреннего рынка остановили почти половину мощностей, которые ранее работали на госзаказ и массового потребителя. Вслед за этим в 5 раз сократился инвестиционный спрос. Установилось новое распределение доходов, не соответствующее стандартам успешных рыночных систем, где от 55% до 65% ВВП составляет оплата труда, остальное делится примерно пополам между прибылью предпринимателей и налогами государства. В сегодняшней России около половины ВВП составляет прибыль предпринимателей, остальное делится между оплатой труда и налогами государства [Национальные... 1997, с. 39]. При таком распределении доходов и простаивающих мощностях сбережения превышают внутренний инвестиционный спрос, поэтому избыток сбережений долларизуется и вывозится за границу в размере 15-25% ВВП. Вывоз капитала за 10 лет приблизился к 300 млрд долл., т.е. превысил внешний долг в 2 раза. Практически прекратились создание новых рабочих мест и обновление технологий.

Этот режим стагнации был прерван четырехкратной девальвацией рубля в 1998 году и ростом мировых цен на нефть. Оба события дали импульс к временному экономическому росту, возможности которого исчерпаны уже в 2002 году. Долларизация сбережений и вывоз капитала продолжают, поскольку распределение доходов даже ухудшилось, а сбережения по-прежнему превосходят инвестиционный спрос. Очевидно, что Россия не сможет выйти на стандартную магистраль равновесного

устойчивого экономического роста и будет вывозить капитал, пока не перейдет к стандартному для успешных рыночных систем распределению доходов.

Но существующий социум как раз и не позволяет совершить переход к рациональному распределению доходов. Эта проблема также является инвариантом для России. Когда в апреле 1797 года император Павел Петрович повелел крестьянам 3 дня в неделю работать на себя, 3 дня - на помещика, а в воскресенье - отдыхать, т.е. как бы поделил доходы пополам, он вряд ли догадывался, что вместе с распределением доходов устанавливает состояние внутреннего рынка и определяет темпы экономического роста. Только через 50 лет К. Маркс занялся распределением времени работы на себя и на хозяина, только через 140 лет Ф. Рузвельт и Дж. Кейнс во время Великой депрессии связали распределение доходов с платежеспособным спросом и рынками сбыта, без которых рыночная экономика не функционирует. Сегодня кейнсианские идеи представляются само собой разумеющимися. Но в российском социуме Павел Петрович был убит и затем окарикатурен дворянской историографией, а рациональное распределение доходов даже спустя 205 лет осталось нерешенной проблемой.

Все сказанное подталкивает к пессимистическому выводу, что российский социум находится в замкнутом круге. На протяжении многих веков элита не хочет и не может строить общество социального партнерства, а население не может сменить элиту, обладающую пожизненной властью. Таким образом, российское общество стоит перед выбором. Или оно научится в режиме реальной демократии регулярно обновлять состав правящей элиты, приводя к власти тех, кто реально отслеживает интересы населения и строит рыночную систему как систему социального партнерства. Или общество будет жить в условиях постоянного социального антагонизма с несменяемой элитой, отслеживающей исключительно свои интересы. Тогда неизбежны социальные катаклизмы и роль экономического аутсайдера в мировой гонке, что в условиях глобальной конкуренции означает "конец истории".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. М., 1992.

Влияние глобальных изменений климата на функционирование основных отраслей экономики и здоровье населения России. М., 2001.

Дубовский С.В. Как перевести российскую экономику в окрестность равновесия // Общество и экономика. № 6. 1995. С. 3-13.

Дубовский С.В. Как перевести российскую экономику в режим устойчивого развития // Новая парадигма развития России. М., 2000.

Дубовский С.В. Путеводитель по глобальному моделированию // ОНС. № 3. 1998. С. 161-171.

Дубовский С.В. Россия на переломе: 1990-2010 // Российская наука: день нынешний и день грядущий. Сб. лауреатов конкурса РФФИ. М., 1999. С. 385-392.

Национальные счета России в 1989-1995 годах. М., 1997.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2000.

Путь в XXI век. М., 1999.

Россия в цифрах. М., 1996.

Семенов Ю.И. Философия истории. М., 1999.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1989.

© С. Дубовский, 2002